

Глава 1

Кингсборо-Холл, Моксли, Англия, 1817 год

— Матушка, довольно.

Энтони Херст, седьмой герцог Кингсборо, подошел к одному из высоких окон родительской спальни и отдернул тяжелые бархатные шторы. Комната тут же наполнилась солнечным светом. На секунду Энтони задержался у окна и выглянул в сад. Зацвели крокусы, добавив ярких — желтых и фиолетовых — красок скучному зимнему пейзажу.

— Разве нельзя оставить меня в покое?

Энтони обернулся на звук материнского голоса и стиснул зубы, подумав о том, как слабо он прозвучал. Как же молодой герцог ненавидел эту мрачную атмосферу, которая царила в Кингсборо-Холле весь последний год! Как же он ненавидел уныние, от которого так трудно избавиться!

— Матушка, прошло уже больше года. Это немалый срок.

Его мать, все еще облаченная в траур, сидя в углу, лишь вздохнула и закрыла голубые глаза от яркого света, когда сын отдернул очередную портьеру. Черный был ей совершенно не к лицу — траур лишь подчеркивал мертвенную бледность герцогини и седину в ее волосах. За время болезни мужа она очень сильно постарела.

Прошло уже пять лет с тех пор, как проявились первые симптомы болезни покойного герцога — опухоль в подмышечной впадине. Проконсультировались у трех докторов — все советовали немедленно прооперировать. Не желая умирать раньше времени, герцог Кингсборо согласился на операцию.

Энтони знал, что операция была тяжелой и за ней последовало еще несколько. Поэтому юноша ничуть не удивился, когда в конце концов герцог пригласил его к себе в кабинет и заявил, что отказывается от дальнейшего лечения, — но все равно ему непросто было сдержать слезы при известии о том, что отец решил сдаться. Энтони отлично понимал, что означает это решение.

Прошел месяц, ухудшения не наступало, и Энтони уже начал надеяться, что несчастье обошло их стороной. Но потом с каждым днем здоровье отца стало резко ухудшаться. Нет ничего тяжелее, чем беспомощно наблюдать за тем, как родной человек увядает на твоих глазах, как его тело днем и ночью, каждый час, разрывается от боли. Даже вспоминать об этом было невыносимо.

— Всего-то?

Голос матери был слаб. Нахмурившись, Энтони подошел к ней и нежно взял за руку.

— А кажется, что прошла целая вечность.

— Матушка, — прошептал Энтони, опускаясь перед ней на колени. Его сердце болело за женщину, которая некогда была полна жизни. — Следует положить этому конец.

Во взгляде матери Энтони увидел ту же безысходность, что так давно плескалась в его собственных глазах. Отец всегда был сильным и крепким — одним из тех здоровяков, которые, кажется, всех переживут. Поэтому Энтони тяжело было видеть, как он угасает, нелегко унаследовать титул герцога и в конечном счете — занять его место. Больше года прошло с тех пор, как упокоилась душа отца, и Энтони решил, что пришло время вернуться к жизни. Исполненный решимости, он отправился к матери, чтобы поделиться с ней идеей, за которую, как он надеялся, она с энтузиазмом ухватится.

— Мы должны устроить прием, — сообщил Энтони, и его слова прозвучали слишком серьезно и торжественно.

— Прием? — У матери был такой вид, как будто она вот-вот заберется назад в постель и укроется одеялом с головой, чтобы больше не слышать ни одного сказанного им слова.

— И не просто прием, матушка, — настаивал Энтони, заставляя ее слушать, стремясь разбудить женщину, которая пряталась в глубине души этой разбитой горем вдовы. Он знал, что эта женщина продолжает существовать. — Уже конец февраля, но если мы поспешим, то сможем устроить прием на Пасху. — Энтони заметил, что мать вот-вот откроет рот, чтобы возразить, и тут же добавил: — Можно начать с одного из твоих знаменитых балов.

Она замерла, не сводя с сына глаз. Пауза тянулась очень долго, и Энтони начал сомневаться в том, что мать вообще намерена ему отвечать. Он пытался придумать, что сказать, чтобы нарушить молчание, и тут заметил, что в глазах герцогини блеснуло понимание.

— Энтони, мы уже сто лет не давали балов. Ты действительно полагаешь... — Она не закончила предложения, но на сей раз это не являлось знаком поражения, смирения с судьбой.

Энтони не мог не заметить, что она наморщила лоб. Мать размышляла, и, судя по тому, как она покусывала нижнюю губу, подумать ей было над чем. Наконец взгляд герцогини стал сосредоточенным. Она подалась вперед.

— Может быть, бал поможет нам сплотить семью.

Энтони тоже на это надеялся.

Когда отец перестал бороться за жизнь, Луиза, сестра Энтони, вскоре вышла замуж и переехала к супругу. Тогда Энтони не стал задаваться вопросом, что ее на это подвигло. Луиза была девицей на выданье (хотя, может быть, и слишком юной), граф Хантли, вне всякого сомнения, мог обеспечить ей тот уровень жизни, к которому она привыкла, поэтому Энтони благословил их брак, долго не раздумывая.

По сравнению со всем остальным, с чем ему в то время довелось столкнуться (кончиной отца, оплатой счетов врачей, которые продолжали ежедневно наносить визиты, со все расширяющимся кругом обязанностей по управлению имением), замужество сестры показалось ему всего лишь досадным недоразумением.

И только после смерти отца Энтони стал задумываться над тем, что Луиза, возможно, искала способ сбежать — законную причину, чтобы ежедневно не сталкиваться с тем ужасом, который навис над их домом и всех подавлял. Конечно, она приезжала проведать отца, однако имела вескую причину уйти, когда оставаться рядом с ним не было сил. Энтони не мог ее в этом винить. Временами ему и самому хотелось сбежать.

Его брат Уинстон оказался более надежным. Он был на два года младше Энтони, еще в двадцать женился на Саре, дочери викария, и теперь был счастливым отцом мальчишек-близнецов. Чтобы содержать семью, Уинстон открыл небольшой издательский дом на деньги, которые выделил ему отец. Разумеется, нашлись и те, кто осуждал его за выбор занятия, недостойного благородного джентльмена, но Уинстон слишком любил книги и остался непоколебим в своем решении. К тому же отец финансово поддержал его начинание — явный признак того, что счастье сына было для него гораздо важнее одобрения пэра. Вот каким человеком был их отец.

И хотя Уинстон жил в Лондоне, во время болезни отца он раз в неделю приезжал в Моксли, тратя на дорогу целых три часа. Но отец умер, и Уинстон, сославшись на занятость и расширение дела, почти перестал бывать в Моксли. Конечно, Энтони понимал брата. Но ему не хватало Уинстона, вот и все.

— Я должна немедленно побеседовать с миссис Стерлинг, — неожиданно заявила герцогиня, прервав размышления сына.

Он пристально взглянул на мать и заметил в ее глазах решимость.

Энтони недоумевал. Еще секунду назад казалось, что его мать может упасть от легкого дуновения ветерка. А сейчас она расправила плечи, выпрямила спину, решительно кивнула и встала, выдернув свою руку из руки Энтони.

Именно на такую реакцию он и надеялся, но и предположить не мог, что мать так быстро придет в себя, когда столкнется с задачей, которая займет ее целиком. Честно говоря,

ее старший сын опасался, что она будет потрясена и еще глубже спрячется в свою раковину.

Энтони явно ошибся — его мать не только позвала служанку, но и стала мерить шагами комнату, перечисляя то, что может ей понадобиться, и при этом загибая пальцы. Все это сопровождалось жалобами на то, что Энтони дал ей слишком мало времени на подготовку такого большого приема.

— Необходимо немедленно разослать приглашения.

Указания лились потоком. Она тут же переключилась на возможность заказать скульптуру из льда и поделилась с сыном идеями об украшении зала цветами.

У Энтони от этой болтовни разболелась голова, но результату он обрадовался. Не упомянул он лишь о том (не хотел возбуждать мать еще больше), что намерен воспользоваться балом для того, чтобы познакомиться с молодыми дамами, коих матушка, вне всякого сомнения, намерена пригласить. Кончина отца изменила планы Энтони на будущее, заставив его осознать, насколько хрупкой может быть жизнь. Ему необходим наследник. Более подходящего времени для того, чтобы задуматься о продолжении рода, нельзя было и придумать.

* * *

— «Приди же, ночь! Приди, приди, Ромео, мой день, мой снег, светящийся во тьме, как иней на вороньем оперенье»...¹

— Прекрати немедленно, — предупредила Изабеллу мать, отрываясь от вышивки: цветущей виноградной лозы, которая должна была украсить новый комплект наволочек, заказанных женой мясника.

Изабелла должна была учиться нелегкому ремеслу вышивальщицы, но девушка считала рукоделье слишком утомительным занятием, поэтому решила немного отвлечься и почитать.

¹ «Ромео и Джульетта». Перевод Б. Пастернака. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)